

ЦЕЛИНСКИЙ Э. Ю. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЦЕЛИНСКИЙ Эрих Юльевич, родился ок. 1868. С 1910 — работал учителем в немецкой колонии Еленендорф (Азербайджан). 5 апреля 1930 — арестован и для дальнейшего следствия отправлен в Бакинский исправдом. Приговорен к 10 годам ИТЛ, четвертый год проводит в Бакинском исправдоме¹.

В феврале 1934 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<16 февраля 1934>

«В Комитет помощи политзаключенным
т<оварищу> Пешковой

Целинского Э. Ю., содержащегося
в Бак<инском> Исправ<ительно->
Труд<овом> Доме № 1, билет 315

Заявление

Обращается к Вам с просьбой о помощи старый педагог, постигнутый несчастием быть подозреваемым в политическом шпионаже и предательстве и быть наказанным соответственно жестоко. Я арестован 5/IV 1931 года в нем<ецкой> колонии Еленендорфе (Азербайджан), и уполномоченные всячески старались сделать из меня германского шпиона, но доказать это было невозможно, тогда они преувеличили и раздули тот факт, что я, будучи завед<ующим> нем<ецкой> школой в Еленендорфе в 1924 году выхлопотал у Герм<анского> Мин<истерства> Нар<одного> просв<ещения> для абитуриентов право без экзамена поступить в Германские Вузы. Если это, вообще, преступление, а не просто педагогическое увлечение и желание облегчить нем<ецкой> молодежи путь к высшему образованию, то это, по здравому смыслу, никак не шпионство и предательство. В начале 20-х годов я поддерживал в культурных и образовательных целях сношения с Германией, ведь в то время она еще не была фашистской, но как можно усмотреть в этом политическое шпионство, караемое ст<атьей> 68? Как можно подвести частную переписку с родными и знакомыми под ст<атью> 68? А Аз<ербайджанское> ГПУ сумело это сделать и присудило меня к расстрелу, а Зак<авказское> ГПУ к 10 годам. Без знания обвинительного акта, который недоступен заключенным, я защищаться, оправдаться и объяснить свои поступки не могу, я должен судить только по предположениям. А клеймо "шпион и предатель" меня ставит в положение прочумленного: ни один прокурор, ни одна инстанция не хочет посмотреть мое дело еще раз и проверить, не осужден ли я действительно несправедливо и жестоко. Веря слепо в справедливые приговоры ГПУ, никто не желает помочь жертве судебного недоразумения. Мои деяния, о которых я сказал выше, относятся к началу 20-х годов, 10 лет тому назад, они Сов<етскому> Союзу не причинили никакого вреда, а, напротив, сделали ему честь признания сов<етской> школы за границей. Таким образом, если бы даже такие деяния можно назвать преступлениями, преследуемыми Сов<етским> законодательством, то и это в силу своей давности теряет смысл возбуждения против меня уголовного преследования.

Я старый учитель, в одном Азербайджане я проработал уже 24 года, мне 65 лет, я болею миокардитом <...>² В заключении я нахожусь с

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 816. С. 98.

² Далее идет перечень многих болезней.

зачетом работы уже 5-й год или фактического заключения в апреле начинается 4-й год. По ряду врачебно-медицинских освидетельствований я каждый раз при каждом этапировании признан негодным, но работающая иногда Прав<ительственная> Комиссия, несмотря на мой возраст и мои болезни, не рискует меня освободить без санкции ГПУ. А последняя комиссия, работавшая в январе, абсолютно не вникала в суть моего обвинения, а, судя лишь по сроку меры социальной защиты, формально отклонила вопрос о моем освобождении. Я в тяжелом безвыходном положении: я отсидел уже почти половину срока, я по возрасту и болезням нетрудоспособен, а все-таки меня не освобождают. По-видимому, ГПУ желает, чтобы старый педагог окончил свою жизнь в заключении. Неужели революционная законность еще не удовлетворена тем, что моя жизнь разрушена, что отнята жизнь и трудоспособность? Неужели я должен страдать и падать жертвой шпиономании уполномоченных? Меня осудили наравне с разбойниками, бандитами-повстанцами, с похитителями и растратчиками обществ<енного> имущества и подобными уголовными преступниками. Наказан я из ряда вон жестоко, беспощадно, негуманно, и также относились к моим призывам о помощи: все инстанции или совсем молчали, или ответили формально сообщением о получении заявления. Неужели все инстанции так убеждены в непогрешимости приговоров ГПУ, что считают их всех справедливыми? От меня отрекчиваются не только знакомые, даже должностные лица не хотят вникать в дело такого "опасного человека", как еще недавно отрекомендовал меня уполном<оченный> Носовицкий. Неужели отчаяние человека, промучившегося уже 3 года в подвале ГПУ и домах заключения, никого не трогает?

Даже на мое заявление, поданное на имя прокурора Акулова, я получил формальный ответ "Ваше заявление направлено 5.12.1933 прокурору по ОГПУ. Спиридоновка, 30". Выходит так, что полит<ические> осужденные по ст<атьям> 66 и 68 напрасно обращаются к блюстителям права и законности в Сов<етском> Союзе, они не хотят или не могут что-нибудь сделать для взывающих к их помощи. Теперь только одна надежда на Вас, если и Вы откажитесь вникать в мое дело и проверить его, тогда остается только отчаиваться найти в Сов<етском> Союзе справедливость и правду. Умоляю Вас, не откажитесь мне как-нибудь помочь. Если освобождение такого "опасного человека" окажется выше Ваших сил, то Вы, вероятно, сможете достигнуть хотя бы того, что мне сократили половину срока, тогда я хоть увижу конец страданий.

Бак<инский> Исправ<ительно->Труд<овой> Дом № 1
16/II 934.

Э. Целинский»³.

Благодаря ходатайству Е. П. Пешковой Эрик Юльевич был освобожден из тюрьмы и выслан в Актюбинск на оставшийся срок, зарабатывал на жизнь частными уроками. В декабре 1934 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью сестра Эриха Юльевича, Клара Юльевна Зелинская.

<4 декабря 1934>

«Заявление
гражданки Целинской Клары Юльевны
в Комитет оказ<ания> помощи
полит<ическим> заключенным.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. С. 192-193. Автограф.

Я Вас умоляю, отпустите моего родного брата Эриха Юльевича Целинского, старого учителя немецкого языка с высшим образованием. Он находится в ссылке в г<ороде> Актюбинске. Брат сидел 3 года (одного месяца не хватает) в тюрьме. Скоро ему исполнится 67 лет. Какой вред он причинил Советской власти? Что он ругал насильственную (1930 г<од>) коллективизацию? Что он ругал пятидневку в школе? Когда возмущался, когда сознательно расшатывали дисциплину в школе и отменили уроки истории?

Ведь все это уже не является больше антисоветскими преступлением. Брата за это уволили, как ненадежного с "неподходящей идеологией".

Ему дали место в Глыдже, но и здесь при отсутствии дисциплины брат не успел пройти в Техникуме всю программу по немецкому яз<ыку> и он явился контрреволюционером. Брат 25 лет служил в Азербайджане, даже в год ареста выслужил пенсию, которую, наверно, теперь уже никогда не получит. Владимир Ильич Ленин, тонкий психолог, сказал: "Мы не можем старую интеллигенцию заставить думать, как мы, но мы ее заставим работать для нас". И вот брат работал всегда и везде. В тюрьме работал при его преклонном возрасте, между прочим, он мне переписал "Мать" Горького. Скольких учил грамоте, а сам изучил тюркский язык.

В Еленендорфе 19 лет заведовал даром библиотекой. Так в Актюбинске собирает народные песни, играет в Радио и переплетает квитанции для одного учреждения. Мы с сестрой такие же труженицы. Сестра состоит учительницей ударницей. Притом, она еще художница. Я состою учительницей музыки у коллективистов и одиночников. Сжальтесь над нами и верните нам опять брата. А если решили иначе, тогда уведомите меня, пожалуйста, телеграммой, поэтому прилагаю 10 рублей.

Адрес: Азербайджан, Еленино, Городская 101.

Кларе Юльевне Целинской»⁴.

К весне 1936 — Эрих Юльевич Целинский был трижды переосвидетельствован врачебной комиссией, как инвалид⁵. В апреле 1936 — Эрих Юльевич вновь обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<18 апреля 1936>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Не знаю, какого числа Вы направили мое заявление в Алма-Ата — сообщено мне было об этом 27/III с<его> г<ода> с подписью Винавер⁶ — вероятно, уже больше 3 месяцев тому назад и, по-видимому, и Вам оттуда не отвечают. Тем временем врач<ебная> комиссия меня переосвидетельствовала, и справка о моей инвалидности отправлена в Алма-Ата — эта уже 3-я такая справка! Может быть, существует тайный декрет не освобождать осужденных по статьям о шпионаже, и пока политич<еские> отношения к Германии такие натянутые, нам немцам — полит<ическим> заключенным, и осужденным, и ссыльным нечего надеяться на сокращение срока и освобождение. Я осужден за шпионаж, хотя следствие не установило ни одного действительного факта шпионажа, а выхлопотание прав для Еленендорфских немцев-абитуриентов у Германского Мин<истерства> Нар<одного> Просвещения, конечно, не шпионаж, а просто педагогическое увлечение

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. С. 196-197. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1364. С. 57, 59-65.

⁶ Имеется в виду Михаил Львович Винавер, заместитель Е. П. Пешковой по Помполиту.

старого учителя, которое никак не должно караться так жестоко. Я не убийца, не бандит, не растратчик, не обманщик, а меня осудили, как уголовных преступников. Я жертва шпиономании Закавказских уполномоченных ГПУ, и ужасная марка "шпион и предатель", которую припаяли мне, по-видимому, причина того, что все учреждения, в которые я обращался, мне отказали в сокращении срока и освобождении. Когда меня арестовали, я обладал сносным здоровьем, а теперь, отбывая 6-й год наказания, я полный инвалид, и дальнейшее пребывание в тяжелых климатических и жизненных условиях ссылки мучительно — как тяжело для меня одна только ходьба по урокам! Неужели я, старик, которому под 70 лет, еще недостаточно наказан разбитой жизнью и разбитым здоровьем? Неужели я должен одинокий умереть в ссылке? Чрезмерное наказание чувствуется как несправедливость и жестокость, а со мной так поступают. Из меня искусственно создали только на основании подозрений и предположений "опасного шпиона", и это стало источником моих страданий, и пока не взяты под сомнения непогрешимые приговоры ГПУ, мое положение безнадежно. Может быть, мне следовало обратиться к прокурору СССР или Наркомюсту? Неужели НКВД в Алма-Ата не должно Вам ответить в 3 месяца? Неужели Вы беспомощны и бессильны помочь мне?

В глубоком отчаянии
Э. Целинский.

Актюбинск, поселок "Москва", Рыковская ул<ица>, № 14. дом Долганова.

18/IV - 936 г<ода>»⁷.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1487. С. 98-99. Автограф.